

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

**Северо-Запад России
Славяне и финны**



ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

PIETARIN VALTIONYLIOPISTO
«PETROSCANDICA»

HISTORIALLISEN MAANTIETEEN TUTKIELMIA

**Venäjän luoteisosa.
Slaaveja ja suomalaisia**

Toimittaneet: A.S.Gerd ja G.S.Lebedev

PIETARIN YLIOPISTON KUSTANTAMO
2001

3 жкг -

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ПЕТРОСКАНДИКА»

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

**Северо-Запад России
Славяне и финны**

Под редакцией А.С.Герда и Г.С.Лебедева

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

ИЗДАТЕЛЬСТВО
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

1522311

ББК 63.2
О-95

Авторы:

А. Алквист, В. А. Булкин, И. Ю. Винокурова, А. Гаджиева, А. С. Герд,
И. Е. Гришина, Т. П. Дмитриева (Амелина), Т. А. Зими́на, М. М. Кондратенко,
О. И. Конькова, Т. В. Краснополская, В. А. Лапин, Г. С. Лебедев, М. А. Лобанов, К. К. Логинов,
И. И. Муллонен, В. А. Назаренко, В. П. Орфинский, А. И. Сакса,
В. Н. Седых, А. А. Селин, Л. Си́лин, А. М. Спиридонов, В. И. Хартанович,
К. Хейкинен, И. И. Шангина, В. Я. Шумкин

Tekijät:

A. Ahlqvist, V. A. Bulkin, I. Ju. Vinokurova, A. Gadzhijeva, A. S. Gerd, I. E. Grishina,
T. P. Dmitrijeva (Amelina), T. A. Zimina, M. M. Kondratenko, O. I. Konkova, T. V. Krasnopolskaja,
V. A. Lapin, G. S. Lebedev, M. A. Lobanov, K. K. Loginov, I. Mullonen, V. A. Nazarenko,
V. P. Orfinski, A. Saksa, V. N. Sedyh, A. A. Selin, L. Siilin, A. M. Spiridonov, V. I. Hartanovitsh,
K. Heikkinen, I. I. Shangina, V. Ja. Shumkin

Печатается по постановлению

Редакционно-издательского совета

С.-Петербургского государственного университета

О-95

Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны /

А. Алквист, В. А. Булкин, И. Ю. Винокурова и др.; Под общ. ред. А. С. Герда,
Г. С. Лебедева. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. — 512 с.

ISBN 5-288-02898-2

Коллективная монография продолжает цикл исследований, представленных в монографиях «Славяне: Этногенез и этническая история» (Л., 1989) и «Основания регионалистики» (СПб., 1999). Книга — итог многолетних полевых исследований и творческих поисков ученых России и Финляндии — представляет собой фундаментальный уникальный труд по исторической географии, этнолингвистике, краеведению и культурной антропологии. В ней продолжается развитие идей комплексной реконструкции древнейших историко-культурных зон по данным различных гуманитарных наук. На широком материале в книге воссоздана панорама эволюции таких историко-культурных зон, как Верхняя Русь, Северо-Западное Приладожье, Обонежье, Ярославско-Костромское Поволжье.

В историко-этническом и этнолингвистическом плане монография ориентирована на проблему славяно-финских контактов в области материальной и духовной культуры.

В создании монографии принимали участие ученые Санкт-Петербургского государственного университета, Кунсткамеры РАН, Института истории РАН, Карельского научного центра (Петрозаводск), Российского этнографического музея, Института археологии РАН, Ярославского университета, Хельсинкского университета, Университета Йозенсу (Финляндия), Карельского института (Финляндия).

Книга снабжена большим количеством карт.

Для широкого круга историков, филологов, этнографов, историков эволюции культуры.

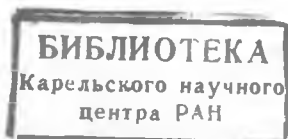
Без объявл.

ББК 63.2

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Законодательного Собрания и Администрации Санкт-Петербурга

ISBN 5-288-02898-2

© А. С. Герд, Г. С. Лебедев, ред., 2001
© А. Алквист, В. А. Булкин,
И. Ю. Винокурова и др., 2001
© Издательство С.-Петербургского
университета, 2001



ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ОБОНЕЖЬЯ

Современная этноязыковая ситуация в Обонежье выглядит следующим образом: русские населяют Восточное и в значительной части Южное Обонежье, Заонежский полуостров в Северном, а также Посвирье в Юго-Западном Обонежье.

Поселения северных (прионежских) вепсов протянулись узкой полосой вдоль юго-западного побережья Онежского озера (рис. 1). В недавнем прошлом вепсский ареал в Прионежье был несколько обширнее, распространяясь на восток на водораздел р. Ивина и впадающих в Онежское озеро с запада небольших лесных рек, а также на юг, к свирскому



Рис. 1. Современные прибалтийско-финские языковые ареалы в Обонежье.

побережью. В Южном Обонежье на водоразделе онежского, белозерского и свирского бассейнов вплоть до 60-х гг. XX в. существовал ряд вепсских деревень, население которых использовало восточные говоры средневепсского диалекта. Вепсский ареал Южного Обонежья смыкается на западе с присвирскими вепсскими территориями (см. в разделе Юго-Восточное Приладожье), представляя собой естественное продолжение последних на

восток. Вепские поселения Южного Обонежья входят в единый диалектный ареал с вепскими селами Присвирья (так называемый средневепский диалект), образуя восточную группу говоров последнего.

Карельский людиковский ареал тянется узкой полосой в Западном Обонежье, от р. Важина на юге до р. Суна на севере. К западу от людиковского ареала до ладожского побережья располагается карельская ливвиковская территория, которая в значительной степени выходит за пределы Обонежья. Практически полностью за северо-западными пределами Обонежья и исторической Обонежской пятины располагается современный собственно-карельский ареал [АКЯ 1997]. В XVI–XVIII вв., однако, собственно-карельское продвижение на восток играло значительную роль в Северном Обонежье, а отдельные собственно-карельские особенности и сегодня отмечаются в лексике и топонимии по всему Обонежью, к примеру, в прионежской Ладве на р. Ивина, в прибрежных деревнях между Петрозаводском и Кондопогой, в окрестностях Кузаранды в восточной части Заонежского полуострова, в низовьях р. Водла, на Водлозере. Очевидно, это следы более позднего переселения из Северо-Западного Приладожья, Корельского (Кексгольмского) уезда, вызванного русско-шведским противостоянием. Современные собственно-карельские поселения есть в северо-западном углу Обонежья, на северных притоках р. Суна.

Как происходило формирование карельской языковой территории в Обонежье?

Освоение карелами территории Онежско-Ладожского (Олонецкого) перешейка из Северо-Западного Приладожья на восток проходило, очевидно, не одномоментно и с разной интенсивностью. На это указывает, в частности, разная степень освоенности, переработки карельским языком предшествовавшего языка — вепского. Если в ливвиковском диалекте карельского языка вепский выступает в качестве субстрата, то в людиковском не произошло полного и очевидного перекрытия предшествовавшего вепского языкового пласта карельским; участие обих языковых стихий в образовании людиковского диалекта примерно равно. Это достаточно наглядно проявляется в системе чередования ступеней согласных, в конечной огласовке слов [Itkonen T. 1971], а также в лексике.

Граница между Обонежьем и Юго-Восточным Приладожьем на Олонецком перешейке проходит условно по людиковско-ливвиковской границе. Какие факторы сказались на ее формировании?

С точки зрения ареального членения знаменательно то, что ливвиковский ареал, вплотную подходя на юге и юго-востоке к бассейну р. Свирь, все же не распространяется на его территорию, а замыкается на этом участке бассейном Ладожского озера. Здесь граница водных бассейнов впадающих в Ладогу рек Олонка, Видлица, Тулокса, с одной стороны, и р. Свирь, с другой, оказывается одновременно и диалектной границей, отделяющей ливвиков от людиков. В пограничных с Присвирьем ливвиковских говорах вепское воздействие ощущается сильнее, чем в более удаленных от этой естественной границы говорах. Исследователи отмечают его в кондушском говоре [Virtaranta 1973], оно проявляется также в более северных некулском, коткозерском говорах ливвиковского диалекта.

На формировании ливвиковско-людиковской границы на юго-восточном ее участке сказались, таким образом, естественно-географическая граница, разделяющая два водных бассейна — рек Свирь и Олонка. На первый взгляд представляется, что подобный географический принцип не выдерживается севернее, на участке р. Шуя, где граница, разделяющая ливвиков и людиков, не соотнобразуется с течением реки, а пересекает Шую в нижнем течении. Почему карельское языковое воздействие, продвигавшееся с верховьев Шуи вниз по реке, если не приостановилось, то во всяком случае утратило свою мощь на нижнем участке Шуи? Наиболее логичным объяснением этому нам представляется то



Рис. 2. Формирование западной границы Обонежья по вепским топонимическим свидетельствам.

1 — топонимная модель *Kukoihaŋ'j*, 2 — топонимная модель *šuhuk*, 3 — топонимы с основой *vers-/veps-* в Северо-Западном Обонежье, 4 — западная граница топоосновы *kar(a)*.

обстоятельство, что в месте, где ливвиковско-люди́ковская граница пересекает р. Шую, сталкивались два водных пути: один — вниз по Шую в Онежское озеро, а второй — со Свири через ее северный приток Важинку и южный приток Шуи р. Святрека в Шую и затем в Онежское озеро. Если первый путь шел из карельского Приладожья, то второй — из вепского Присвирья, и по нему, очевидно, вепское воздействие продолжало ощущаться и после того, как началось освоение Онежско-Ладожского перешейка карелами. Эти процессы и могли явиться своего рода препятствием для ровного поступательного карельского продвижения вниз по Шую.

Свидетельством существования такого присвирского воздействия через Важинку и Святреку в бассейн Шуи могут служить некоторые топонимические факты (рис. 2).

На территории Южного Присвирья достаточно продуктивна в качестве названий возвышенных участков местности модель *Kukoihaŋ'j*, *Kukoinhaŋ'j*, *Kukihar'j*, букв. 'петушиный гребень'. В обрусевших районах Южного Присвирья известны горки под названием

Кукогорье, Кукаръги, Кукоряги, а также переводные Петуний Гребень и Курий Гребень. Это так называемый метафорический топоним, в котором отражены дифференцирующие, свойственные лишь определенной (в нашем случае вепской) топонимической системе метафоры. Во всяком случае, насколько позволяют судить наши материалы, эта модель не была свойственна карельской топонимии. В контексте приведенных выше наблюдений о ливвиковско-людиковской границе показательно, что ареал распространения данной модели не ограничивается Южным Присвирьем, а проникает в Северное, где фиксируется на р. Важинка (урочище *Kukuoinhard'* в д. Мошничье), затем в Святозере (поле *Kukuenhard'a*) и далее на Сямозере (урочище *Kukoihard'a*), т.е. именно вдоль отмеченного водно-волокового пути. Показательно отсутствие модели западнее, на ливвиковской территории, где также есть вепский языковой субстрат. Видимо, наш пример — отражение более локальных (и, возможно, более поздних) проявлений вепского наследия.

Точно так же, со Свири к восточному берегу Сямозера через р. Важинка ведут и топонимы, в которых отразился специфический вепский географический термин *čuhuk*, *čuhak* 'холм, горка, возвышенность'. Основа широко представлена в вепской топонимии в Южном Присвирье (ср. названия горок *Čuhuk*, *Čuhak*, *Čuhakod*, *Čuhakmägi* и др.), а затем по крайней мере двумя топонимами на указанном водно-волоковом пути: *Čuhakmägi* в среднем течении р. Важинка и *Čuukniemi* на восточном берегу оз. Сямозера.

Примерно по этой же линии проходит и западная граница распространения топонимов с показательным вепским географическим термином *kar*, *kara* 'небольшой залив, бухта'. Являясь обычным, широко распространенным на вепской территории и неизвестным в целом карельскому языку — кроме говора с. Михайловское (*kuar* 'залив'), куда проник явно из вепского языка, — он в то же время присутствует в топонимии на северных притоках Свири, в том числе Важинке, откуда затем распространился и севернее, в частности, в топонимию Святозера и смежных, расположенных на ливвиковско-людиковской границе деревень Каскеснаволок, Афанасьева Сельга. Он известен и на северно-людиковской территории, где зафиксирован по крайней мере в топонимии сел Кончезеро, Намоево, Мунозеро, Суйсарь. Не исключено, что ареал лексемы, которая известна также топонимии русского Заонежья и Пудожья, отражает и другие пути проникновения этого дифференцирующего вепского ландшафтного термина в Обонежье. Однако в любом случае в Западное Прионежье он попал по отмеченному уже водно-волоковому пути со Свири через р. Важинка и оз. Святозеро на р. Шуя.

Приведенные примеры говорят о том, что путь со Свири на север через Важинку был известен вепсам и на определенном этапе сыграл решающую роль в формировании людиковско-ливвиковской границы.

Как формировалась граница, отделяющая ливвиков от людиков и собственно карел севернее, в бассейне р. Суна?

Здесь, в Северо-Западном Обонежье, проходит северная граница людиков и ливвиков, видимо, отражающая в целом былую северо-западную границу вепского ареала в Обонежье. Помимо диалектных данных об этом свидетельствуют некоторые топонимические факты. Приблизительно по этой линии отмечен ряд топонимов с основой *veps-/вепс-* [Nissilä 1967] (кроме приводимых В. Ниссиля примеров, относящихся к людиковскому и собственно-карельскому ареалам, можно указать еще два достаточно убедительных случая из ливвиковского ареала, а точнее, северных окрестностей д. Титнаволок: урочище *Vepsänmoa* и *Vepsänpolvi* (см. рис. 2). Примечателен также факт из этнонимии: падаанские карелы называют северных людиков этнонимом *vepsä*, сохранив тем самым память о вепском (докарельском) прошлом северно-людиковского ареала.

Территория распространения северных людиков четко тяготеет к северо-западному побережью Онежского озера, озерным заливам и низовьям впадающих в них рек, прежде всего, к низовьям р. Суна. Ливвиковский ареал здесь также привязан к бассейну Суны, к ее южным притокам, хотя языковая ориентация имеет другое направление — сямозерское. В топонимии Сямозера и расположенных к северу от него Вохтозера, Нелгомозера, Фоминнаволока и других ливвиковских деревень бывшей Вохтозерской волости есть ряд общих элементов, в частности, наличие ойконимов (названий поселений) с формантом *-la* *Ойкойла, Пижула, Ватчела*. Показательно, что эта модель отсутствует в смежном людиковском ареале. Видимо, именно с Шуи через Сямозеро ливвиковское языковое воздействие распространилось и на территорию к северу от Сямозера. В топонимии Сямозера есть один гидроним — *Малая Суна* — название впадающей в озеро с севера реки, который, не исключено, свидетельствует о существовании водно-волокового пути из Сямозера на Суну как раз через территорию, населенную вохтозерскими ливвиками. Может быть, в этом причина распространения за северные пределы бассейна Шуи ливвиковского языкового ареала.

В то же время в топонимии вохтозерских ливвиков присутствуют признаки, отличающие ее от сямозерской топонимии и сближающие с людиковской. В качестве примеров можно отметить бытование здесь специфического людиковского термина *pauni* 'небольшой сенокос в лесу' (ср. *Heinüselgrauni, Pahnrapauni, Pauni, Ped'zoipauni, Pertojanpauni* в Вохтозере) или наличие топонимов с элементом *purde*, для которых обнаруживаются параллели на людиковской территории (лексема в людиковском ареале является вепским наследием, ср. вепс. *purde* 'ключ, родник').

Сам людиковский ареал в Северо-Западном Обонежье также неоднороден. Намечается определенное противостояние говоров, тяготеющих к бассейну Шуи (Кончезеро, Мунозеро, Намоево, Виданы), говорам по р. Суна (Уссунa, Пялозеро, Юркостров, Тивдия, Корташи, Сопоха). Достаточно наглядно оно проявляется, к примеру, в фонетической корреляции сунского *š* (ш) и шуйского *s* (с), ср.: *šild* — *sild* 'мост', *šiga* — *siga* 'свинья', *šelg* — *selg* 'спина', *veži* — *vezi* 'вода'. Появление шипящего на месте исконного людиковского *s* вызвано собственно-карельским воздействием, распространявшимся вниз по р. Суна.

Людиковско-собственно-карельские контакты определялись в значительной степени металлургическим производством, развернувшимся в Северо-Западном Обонежье в XVI–XVII вв. Наиболее активную роль в этих контактах играли северные людики. Диалектологическое влияние северных людиков ярко ощущается среди всех собственно карел старого железопромышленного района, исключая разве наиболее отдаленную их часть, от оз. Селцкое до оз. Сегозеро [Бубрих 1947]. Сравнивая диалектные записи начала и середины XX в. по среднему и верхнему течению Суны, Д. В. Бубрих приходит к выводу о заметном продвижении языковой людизации за 50 лет.

Диалектные границы в Северо-Западном Обонежье, таким образом, не столь четки как на более южном участке Онежско-Ладожского перешейка. Это обусловлено относительно поздним собственно-карельским освоением Средней Карелии (по р. Суна), воздействием экономических связей XVI–XVII вв.

В целом людиковский ареал в Западном Обонежье представляется зоной активных этнокультурных контактов. Это отражается, к примеру, в богатстве этнонимов в этом ареале, особенно заметном на фоне бедного этнонимами ливвиковского ареала. Д. В. Бубрих связывал последнее обстоятельство с относительной бедностью протекавших на ливвиковской территории этнических контактов [Бубрих 1995].

Обратимся теперь к вепскому Обонежью.

На основании имеющихся письменных источников, наиболее ценным из которых для наших целей являются Списки населенных мест Российской Империи по сведениям 1873 г. [СНМ 1873], можно реконструировать границы вепсской территории в Обонежье сто лет назад. Они не столь уж существенно отличались от современных, хотя, безусловно, и очерчивали несколько более обширный в сравнении с современным вепсский ареал. В частности, южная граница распространения прионежских (северных) вепсов доходила до самой Свири. В СНМ 1873 называются в качестве чудских не только Гимрека и Щелейка, которые были вепскими еще в середине нашего столетия, но и расположенные на северном берегу Свири Княжбор, Янनावолок, Пенгойручей, Нимпельда, т. е. участок от истока Свири до устья Ивины, а также села Остречины и Ивина в низовьях р. Ивина. Поселения верхнего течения Ивины деревни Ладва и Таржелоль были в 70-е гг. прошлого столетия по сведениям того же источника уже русскими. Однако вепское прошлое этих мест, причем относительно недавнее, бесспорно подтверждается как данными здешних русских говоров, так и данными топонимии. Особенно показательна в этом смысле топонимия с мощным пластом микро-топонимов вепсского происхождения (ср. *Вехкорга*, *Ганшема*, порог *Коска*, поля *Палатеса*, *Палтега*, *Калуматка* и др.). Сохранение подвижных во времени, изменчивых микро-топонимов с вепскими истоками должно, очевидно, рассматриваться как свидетельство относительно позднего обрусения этой территории, которое могло произойти окончательно незадолго до 70-х гг. XIX в.

В отличие от вепсского северного берега верхней Свири южный берег, согласно сведениям СНМ 1873 г., был русским. В качестве русских названы в нем Намоиные Пески, Вязостров, Заостровье, Иванов Остров, а также расположенные южнее Юковичи, Ошта и др.

В Южном Обонежье во второй половине XIX в. вепсская территория была практически такой же, как и сто лет спустя. Вепсы проживали в Шимозерье, в верховьях р. Мегра. По сведениям финского языковед А. Алквиста в середине XIX в. по-вепски говорили кроме Шимозерья, по крайней мере, в Куштозере и Ундозере — на южной окраине Вытегорского уезда [Tunkelo 1946]. Между тем языковые данные вновь говорят в пользу относительно недавнего обрусения значительной части Южного Обонежья. По свидетельству М. Э. Рут, жители Вытегорского района «хорошо ощущают наличие вепсского по происхождению пласта лексики в своем говоре и постоянно подчеркивают это в беседах. Данный факт — явное свидетельство “неостывшего” контакта народов» [Рут 1982]. Исключительно хорошая сохранность вепсской лексики и топонимии в Южном Обонежье заставляет в ряде случаев если не усомниться в правильности сведений о составе населения в СНМ 1873 г., то по крайней мере предполагать, что процесс обрусения ко второй половине XIX в. еще полностью не завершился. Этот же источник, впрочем, четко фиксирует чудское (вепское) население на самой юго-восточной окраине Обонежья, на границе Вытегорского края и Каргополья, в Исаевской волости. Любопытно, что эта информация подтверждается данными финляндских исследователей Э. Леннрота от 1842 г. и Х. Базилиора от 1887 г., которые засвидетельствовали существование в русском окружении компактной группы вепских деревень [Tunkelo 1946].

В целом, очевидно, не будет далеким от истины предположение, что на рубеже XVIII–XIX вв. вепсы были основным населением в Юго-Западном Прионежье, включающем не только непосредственно побережье Онежского озера, но и бассейн р. Ивина, а также в Южном Обонежье в границах Вытегорского края. Верховья Свири, видимо, также были преимущественно вепскими.

В Восточном Обонежье имеются лингвистические основания предполагать вепское прошлое бассейна р. Водла — территории, которая несмотря на давние и прочные русские языковые традиции, характеризуется и бесспорными прибалтийско-финскими признаками.



Рис. 3. -l-овая ойконимия в Обонежье.

Кружками отмечены ойконимы с -l-овым формантом.

В силу значительного сходства вепсской и карельской (особенно южно-карельской) языковых систем не всегда просто на русской территории Обонежья, в частности, в Пудожье отличить карельский субстрат от вепсского. Все же вепские истоки предпочтительнее и в бассейне р. Водля, и на Водлозере. В топонимии и лексике этих мест, с одной стороны, присутствуют дифференцирующие вепские элементы, а с другой, отсутствуют или представлены элементы, слабо присущие карельской лексике и топонимии (в отличие от вепсской) основы. Среди имеющих вепские истоки можно отметить специфически пудожский (конкретнее, представленный на Водле) географический термин *пуганда* 'узкое с быстрым течением место в реке'. При этом он зафиксирован также в топонимии Свири и Ояти, т.е. вепских территорий [Муллонен 1995а]. Дифференцирующие вепские топоосновы закрепились во многих географических названиях на Водле. Наиболее четко мысль о вепских истоках водлозерской топонимии была сформулирована в свое время Д. В. Бубрихом, причем данный вывод базируется на тех типично вепских фонетических особенностях, которые просматриваются в водлозерских топонимах [Бубрих 1971]. В целом, по

свидетельству диалектологов, вепсский лексический субстрат преобладает в южной части Пудожского района, при этом данная территория составляет единый арсал с примыкающей к ней с юга частью Вытегорского района [Мызников 1994].

Как долго звучала вепская речь в бассейне Водлы? Ясно, что обрусение здесь — не одномоментный акт, а процесс, растянувшийся во времени. Очевидно, сама р. Водля, являвшаяся издревле важной водной магистралью для новгородского освоения севера, стала русской раньше, чем периферия, в которую входили притоки реки, а также Водлозерье. Писцовые книги XVI в. фиксируют на Водлозере переводные топонимы, свидетельствующие о двуязычии местного населения: «Дер. на Медвежье наволоке словет на Конде наволоке» [ПКОП. С. 173]: *Конда*, ср. *вепс. kondi* 'медведь'; «Дер. на Воронье поле словет в Варишпалды» [Там же. С. 175]: *Варишпалда*, ср. *вепс. variš* 'ворона', *peld-* 'поле'. Судя по облику топонимии Водлозерья, вепская речь продолжала звучать здесь и после XVI в. На Водлозере прекрасно сохранилась прибалтийско-финская микротопонимия, являющаяся свидетельством относительно недавнего обрусения. При этом есть определенные основания утверждать, что на Водлозере прибалтийско-финский субстрат в топонимии представлен, пожалуй, лучше, шире, чем на остальной территории бассейна Водлы. Причины могут быть не только в большем разрушении его в результате русского освоения на основном участке бассейна Водлы, но и в изначально неравномерной освоенности арсала древними вепсами. Практически только в Водлозерье фиксируются примеры — хотя и немногочисленные, но

достаточно убедительные — ойконимии с *-l-овым* формантом (рис. 3). Этот тип ойконимов достаточно широко представлен в Присвирье, где его ареал в значительной степени накладывается на ареал курганов приладожского типа X–XIII вв. Примечательно, что некоторые из водлозерских примеров идентичны присвирским не только по форме, но и по основам. В них, как и в ойконимах вепсского Присвирья, присутствуют древние прибалтийско-финские антропонимы: в названии *Рахкойла* отчетливо звучит прибалтийско-финское дохристианское имя *Rahkoi*, *Вачелово*, в котором конечное прибалтийско-финское *-la*, затушеванное русской адаптацией, восходит, возможно, к прозвищу *Vašai*, *Vašei*. Не исключено, что в данном топонимном факте отражается определенная специфика в вепсском освоении ареала Водлозера, к примеру, более устойчивое оседлое освоение, более раннее на фоне остального ареала бассейна Водлы и т.д.

Что касается северной части Пудожского края, то здесь на основании анализа субстратной лексики предполагается ливвиковско-людиковский субстрат [Мызников 1994]. Идентификация же прибалтийско-финских элементов в здешней топонимии вызывает затруднение в силу отсутствия в ней четких дифференцирующих вепсских или карельских критериев. Складывается впечатление, что основной поток вепсского освоения уходил по Водле на восток, в Заволочье, а Северо-Восточное Обонежье оставалось в значительной степени мало освоенным вепсами. Отдельные вепсские колонии (к примеру, в Челмужах), тем не менее, видимо, были.

Следы вепсского языкового прошлого более очевидны в Западном и Северо-Западном Обонежье. Здесь они бесспорны в людиковском диалекте карельского языка, представляющем своеобразный вепско-карельский конгломерат. При этом вепское наследие очевидно и в топонимии низовьев Шуи и Суны, и на прилегающем участке Онежского побережья [Nissilä 1967], бывшей людиковской территории. Оно прослеживается и на Заонежском полуострове. Вообще Заонежский полуостров — это особая сложная, многослойная в этническом отношении территория, где соприкасались и накладывались друг на друга зоны интересов вепсов, карел, русских. Любопытно, что в СНМ 1873 г. отмечаются в западной части полуострова корела, в южной — обрусевшая чужь, а в восточной — обрусевшая корела. В русских говорах Заонежья присутствует мощный пласт прибалтийско-финской субстратной лексики, которую исследователи склонны связывать как с карельскими, так и с вепсскими языковыми следами. Достаточно сложно точно атрибутировать и прибалтийско-финское наследие в топонимии. Есть, однако, некоторые отдельные топонимы и топонимные модели, которые имеют, скорее, вепсские, чем карельские истоки. Среди них некоторые топонимы в южной части полуострова [Агапитов 1994], целая цепочка топонимов с детерминантом *-матка* (из вепс. *matk* 'путь, дорога, направление'), помечающая водно-волоковой путь через территорию Заонежского полуострова с Мелойгубы на западе до Шуньги на востоке [Агапитов 1989].

Примечательно, что именно к территории Заонежского полуострова, к бывшей границе между Толвуйским и Шунгским погостами Обонежской пятины привязан гидроним с основой *свят-* (губа *Святуха*), который с большой долей вероятности можно считать переводом вепского оригинала с основой *pühä-* 'святой' (рис. 4). Исследование свидетельствует о том, что гидронимная модель с основой *pühä-* 'святой' и соответствующий русский эквивалент *свят-* (*Святозеро*, *Святрека*) на российском Северо-Западе являются именно вепским, а не карельским наследием [Муллонен 1995б].

Анализ распространения «святых» гидронимов в Обонежье наводит на мысль о том, что они тяготеют к водным и водно-волоковым путям, один из которых шел со Свири через Важинку и низовья Шуи на Заонежский полуостров, а другой — с Онежского озера на



Рис. 4. «Святые» гидронимы Обонежья.

Кружками отмечены гидронимы с основой *pühä-*, *piiz-/piis-*, *свят-*.

(прежде всего топонимные) данные в пользу того, что путь со Свири по Важинке в Заонежье был освоен раньше, чем территория расселения современных северных (прионежских) вепсов на восток от Важинки. На это указывают и упоминавшиеся выше «святые» гидронимы, и ойконимия с *-l-овым* формантом, ареал которой в значительной степени накладывается на ареал приладожской курганный культуры X–XIII вв. и которая отсутствует в местах относительно позднего освоения. Отмеченный тип ойконимов реконструируется в низовьях Важинки, а также, видимо, в Заонежье [Агапитов 1994; Муллонен 1996] и на Онежско-Беломорском водоразделе, маркируя, возможно, путь из Присвирья в Беломорье, освоенный вепсами (см. рис. 3). В то же время он чужд ареалу прионежских вепсов и топонимии Ивины. Его нет и в Южном Обонежье.

В самом северновепском диалекте ощущаются как присвирские, так и идущие из Южного Обонежья связи. Возможно, древнее деление территории расселения прионежских вепсов на два погоста — Остречинский (с центром в Присвирье) и Оштинский (с центром в Южном Обонежье) — отражает эти связи [Муллонен 1994]. Добавим к этому, что некоторые особенности северновепского диалекта, в частности, наличие геминат в конце

Водлу и далее в Заволочье, и, возможно, маркируют основные пути вепского освоения Обонежья.

Исследование гидронимов с основой *pühä-* на территории Финляндии и Эстонии показало, что там они привязаны к родовым границам железного века [Suvanto 1972]. Если предположить, что сходная ситуация была и в вепском Обонежье, модель может оказаться определенным хронологическим критерием древнего прибалтийско-финского (вепского) появления в Обонежье.

Вепское освоение и Западного, и Восточного Обонежья происходило, очевидно, со Свири. Южное Обонежье могло осваиваться вепсами как со Свири, так и с ее южных притоков.

Целый ряд лингвистических обстоятельств, таким образом, указывает на вепское прошлое Обонежья. При этом освоение этой обширной территории не было одномоментным актом. Есть определенные языковые

слов, а также специфических карельских лексем, может объясняться карельским (людиковским) языковым воздействием [Tunkelo 1946].

В русских, вепсских и карельских говорах Обонежья, а также в обонежской топонимии сохранились определенные следы языковых пластов, предшествовавших современным. Ниже сделана попытка представить их ареалы, связи, относительную хронологию.

В русских и вепсских говорах Обонежья обнаруживаются некоторые общие субстратные лексические элементы, не поддающиеся удовлетворительной этимологии: *кугра* (*kuhr*), *похта* (*poht*), *шайма* (*šaim, šäim*), *согра* (*sohring*) и др. Их ареал носит достаточно локальный характер: на западе и севере он строго ограничивается Онежским побережьем, при этом северная граница проходит приблизительно по линии Суна–Водла, отсекая самое Северное Обонежье. На востоке и юго-востоке изоглоссы этих лексем образуют единый ареал с западной частью Архангельской области и с Верхневолжьем (рис. 5). Возможно, в этом же ряду должна рассматриваться и самобытная лексика вепсских диалектов, не имеющая параллелей в других прибалтийско-финских языках (*čuhu, poža, paža, uhring, šot* и др.). Ее продуктивность заметно ослабевает по мере продвижения с юго-востока современного вепсского ареала (Северное Белозерье) на северо-запад (Присвирье). Она присутствует в вепсских говорах Южного и Юго-Западного Обонежья, а также в топонимии Восточного Обонежья, свидетельствуя о своем былом апеллятивном функционировании в этой части Обонежья.

Какие этноисторические реалии стоят за перечисленными выше загадочными лексемами? Возможно, это рудименты древнего пласта лексики, не перекрытого полностью распространявшимся с запада, из Присвирья, на Онежско-Белозерский водораздел и в Обонежье прибалтийско-финским воздействием. С другой стороны, это может быть и отражение определенных локальных относительно поздних связей, идущих с юго-востока (возможно, из Белозерья — в связи с аналогиями в говорах Белозерья). К сожалению, отсутствие специальных исследований в области исторической лексикологии вепсского языка и явно малая информативность для целей нашего исследования имеющихся грамматических работ не позволяет высказаться более определенно. Языковые факты говорят лишь о том, что в вепсском языке (а также в смежных русских говорах и его топонимии) присутствует определенный неприбалтийско-финский слой лексем. Ареал распространения на западе достигает верховий рек Свирского бассейна — Ояти, Капши, на северо-западе границей ареала является Онежское озеро. Приблизительно в эти же границы укладываются и ареалы некоторых топооснов. В качестве примера укажем продуктивную гидрооснову *илес-/илекс-* (р. *Илекса, Илеса*, оз. *Илексозеро* и проч. неоднократно), ареал которой протянулся из Белозерья на северо-восток в Пудожье и смежные районы Архангельской области, а на северо-западе достигает верховий Свири, т.е. не выходит на запад за пределы Онежского озера (рис. 6). Карта ее распространения свидетельствует о том, что модель достаточно последовательно накладывается на ареал позднекаргопольской археологической культуры, предшествовавшей появлению в крае прибалтийско-финских культур. С определенной долей осторожности можно предположить в топооснове след языка «позднекаргопольцев». Не вдаваясь в подробности лингвистического анализа, заметим, что основа интерпретируется на финно-угорской почве и сопоставима с прибалтийско-финским *ylä*, саамским *álV-* (где *V* — гласная) 'верх, верхний' с присоединившимся еще на доономастической стадии суффиксом *-s: -kse-*. Этимология находит подтверждение в том, что основа последовательно функционирует в названиях верхних (т.е. расположенных в верховьях, истоках водной системы) водораздельных рек и озер. Будучи сопоставима с финскими и саамскими языковыми данными, топооснова в то же время не отражает непосредственно

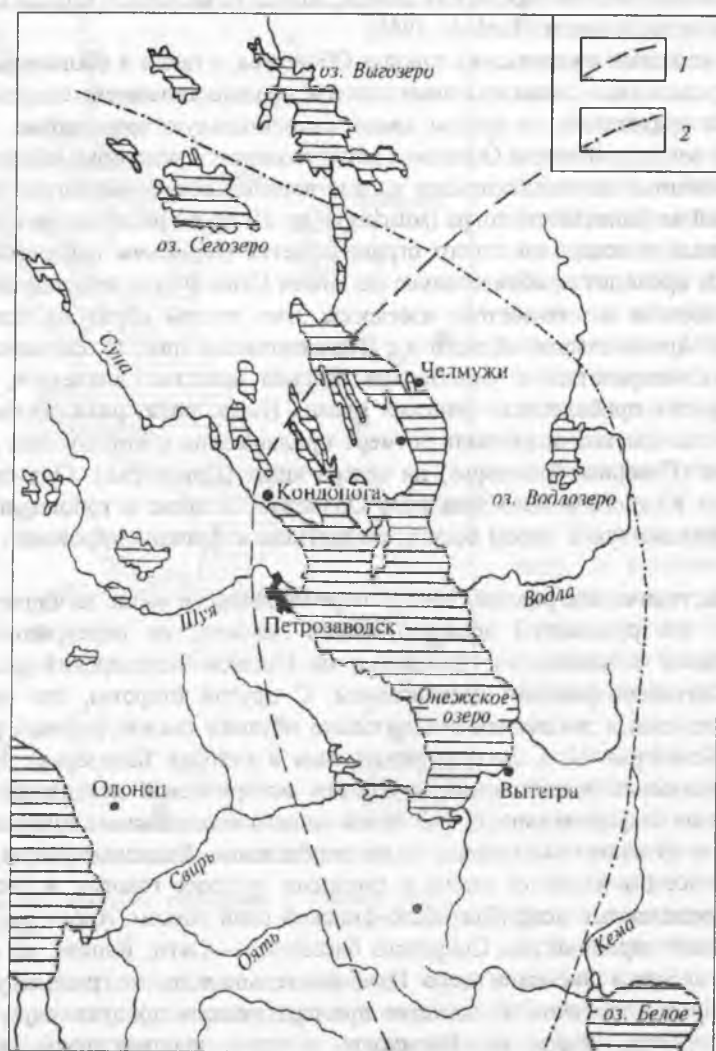


Рис. 5. Доприбалтийско-финское языковое наследие в Обонежье.

1 — северо-западная граница ареала субстратных лексем и образованных на их основе топонимов *кугра* (*kuhr*), *похта* (*poht*), *согра* (*sohring*), *шайма* (*grim*) и др.; 2 — западная граница гидронимов на *-нга*.

ни тех, ни других, а воспроизводит, видимо, прибалтийско-финско-саамское или саамское праязыковое состояние.

Некоторые исследователи считают возможным на основании специфических вепских языковых особенностей, отличающих вепсский язык от других языков прибалтийско-финской языковой семьи, предполагать наличие в нем некоего восточного элемента [Itkonen T. 1971] и видеть «в вепсах звено той цепи народов, которая соединяла прибалто-финнов с волжскими языковыми родственниками» [Häkkinen 1996].



Рис. 6. Топоосновы *шлес-*(*шлес-*), *шлас-*(*шлас-*) (отмечены кружками) в гидронимии Обонежья.

Возможно, и некоторые из предлагаемых в литературе коми-вепских параллелей, традиционно объясняющихся заимствованиями, происходившими в районе Заволочья, могут рассматриваться в контексте отмеченных волжских (юго-восточных) импульсов в Обонежье, например, как результат контактов с вымершими субстратными языками Поволжья [Кожеватова 1996]. Последние достигали на западе Онежского озера, а на востоке — западных границ коми территории (ср., к примеру, ареал распространения некоторых субстратных лексем в русских говорах от Обонежья до рек Сухона, Северная Двина, Пинега). В последнее время обнаружен целый ряд примечательных параллелей в морфологических признаках коми и некоторых прибалтийско-финских языков, отсутствующих в удмуртском. Они позволяют предполагать единые истоки возникновения ареальных инноваций в коми и части прибалтийско-финских языков [Hausenberg 1996].

В субстратном доприбалтийско-финском языковом наследии Обонежья среди этимологически затемненных, генетически неясных на сегодняшний день явлений выделяется ряд фактов, интерпретирующихся на саамской почве. Явными саамскими заимствованиями выглядят такие вепские лексемы, как *čim* (*čimbič*) 'вязка (соединяющая головку полоза с копыльями)', *čoga*, *čuga* 'угол', *čura* 'край, сторона', *čuru*, *čuuru* 'дресва, песок' и др. [Зайцева 1988]. Следы саамско-вепских контактов обнаруживаются и на других уровнях вепского языка. В фонетике саамским воздействием объясняется, к примеру, палатализация прибалтийско-финского *p* перед гласными заднего ряда: ср. фин. *pokka* — вепс. *ňok* 'клов', фин. *пара* — вепс. *ňaba* 'пуп' и т.д. В саамском начальный палатализованный *ň-* — древний широко распространенный звук [Tunkelo 1946]. В вепском глагольном словообразовании саамские истоки возможны для инхоативного суффикса *-škande* [Turunen 1973; Sammallahti 1977]. При этом отмеченные саамские признаки не ограничиваются вепским Обонежьем, а прослеживаются по всем вепским говорам, свидетельствуя о том, что саамы выступали предшественниками вепсов не только в регионе Онежского озера, но и в Присвирье, а также

в Северо-Западном Белозерье. Большинство указанных саамских явлений свойственны помимо вепсского также ливвиковскому и людиковскому диалектам карельского языка. В связи с этим Э. А. Тункело предполагал в свое время, что саамские особенности проникли в вепсский через посредство южнокарельских диалектов [Tunkelo 1946]. С учетом современных представлений об истории вепско-саамского контактирования и сложения южнокарельских диалектов, которые, напомним, представляют собой результат наложения карельского языкового элемента на мощный вепсский субстрат (см. об этом выше), предположение о ливвиковско-людиковском посредстве излишне. Вепско-саамское контактирование восходит к периоду, предшествовавшему появлению карел на Онежско-Ладожском перешейке.

Определенные саамские вкрапления ощущаются и в лексике русских говоров Обонежья [Мызников 1994], куда они могли попасть через прибалтийско-финское посредство, хотя теоретически нельзя исключать и возможности прямых русско-саамских контактов на некоторых участках Обонежья.

Следы саамской, т.е. интерпретирующей на основе саамского языка, топонимии обнаруживаются в обширном регионе от Фенноскандии до Верхневолжья, в частности, бассейна Белого озера (см. [Субботина 1985; Матвеев, Стрельников 1988]), бассейна Двины [Матвеев 1979], в Волго-Двинском междуречье [Востриков 1981] и далее на восток вплоть до расселения коми [Туркин 1985]. Обонежье входило частью в этот обширный ареал. Топонимы саамского происхождения привязаны здесь в основном к относительно небольшим лесным рекам и озерам, заметным участкам рельефа, береговой линии и островам Онежского озера (*Сулажгора, Челмужи, Солостров, Паезеро, Янгозеро*). Среди саамских есть и определенное количество микротопонимов. С другой стороны, саамскую или прасаамскую интерпретацию допускают и некоторые макротопонимы Обонежья. Среди них название Онежского озера (*вепс. Ääpine*), сопоставимое с саамским *jdne* (*прасаам. ħpē*) 'большой' [Муллонен 1999].

В целом саамская топонимия присутствует на всей территории Обонежья, хотя и превалирует в восточной части ареала, которая вообще является своего рода заповедником древней топонимии. Ее хорошая сохранность связана, видимо, с редкой заселенностью и малой освоенностью этой территории. Кроме того, это, возможно, и отражение самого характера заселения Восточного Обонежья. Предшествующий пласт топонимии имеет значительно больше шансов сохраниться, если последующая волна заселения не носит плотного, массивного характера, а представляет собой постепенное внедрение пришлого населения в среду местного. Такая ситуация предполагает длительные контакты пришлого населения с местным, в ходе которых и усваивается топонимия последнего. Видимо, именно так осваивался восток Обонежья и русскими, и их предшественниками прибалто-финнами. Как следствие этого в гидронимах русский пласт значительно уступает в количественном отношении прибалтийско-финскому, а последний, в свою очередь, доприбалтийско-финской гидронимии. На других участках Обонежья, особенно на Заонежском полуострове и в Западном Обонежье, саамский пласт в топонимии размыт значительно сильнее.

Представляется, что топонимов саамского происхождения в Обонежье несравнимо больше, чем известно на сегодняшний день по литературе, а сложности в поисках вызваны прежде всего тем, что саамский язык Обонежья в период, предшествовавший прибалтийско-финскому освоению, очевидно, не был адекватен современным саамским языкам севера Скандинавии. Отмечено, к примеру, что саамский язык, закрепившийся в топонимах на территории Европейского Северо-Запада, не содержал некоторых характерных лексических признаков, отличающих современные саамские языки [Матвеев 1979]. Эти особенности

могли сложиться в более северных областях Фенноскандии в результате поглощения местного протосаамского субстрата. Некоторые исследователи, кроме того, считают, что языки современных саамов восходят к северному саамскому прадиалекту. Южный же прадиалект, бытовавший в том числе и в Обонежье, был полностью поглощен прибалтийско-финскими языками в процессе освоения их носителями севера [Korhonen 1981]. Современные саамские языковые данные способны, таким образом, лишь фрагментарно отразить древнюю языковую ситуацию на территории Обонежья.

Значительные сложности в поиске саамского наследия связаны и с тем обстоятельством, что историко-генетические истоки саамского языка интерпретируются в финно-угорском языкознании по-разному. В современном финно-угорском языкознании саамский язык возводится к единой праязыковой форме — так называемому прибалтийско-финско-саамскому праязыку (*фин. varhaiskantasuomi*) — с прибалтийско-финскими языками. При этом саамский язык, в отличие от прибалтийско-финских, испытавших мощное и длительное индоевропейское воздействие, сохранил древние праязыковые особенности лучше и полнее [Itkonen E. 1961; Korhonen 1981; Koivulehto 1984; Sammallahti 1993 и др.]. Возможно, этим объясняется то, что многие ономастические факты Обонежья интерпретируются на саамской почве. В действительности речь может идти не о «собственно» саамском, а о более раннем языковом состоянии, сближенном с праязыковым. Не случайно в топонимии Обонежья отсутствует ряд характерных саамских топооснов, зафиксированных севернее Обонежья. В то же время здесь обнаружены топонимные элементы, объединяющие Обонежье с обширным регионом на юго-востоке.

Однако в контексте субстратной доприбалтийско-финской гидронимии чрезвычайно сложно установить, где проходит граница между саамским, праприбалтийско-финско-саамским или волжским пластами. С какого момента можно говорить о появлении непосредственно саамской топонимии в Обонежье? Заметим попутно, что языковая реконструкция и субституция прибалтийско-финско-саамского праязыка проведена в финно-угроведении с ориентацией на более западные, чем Обонежье, территории. На востоке же (в том числе в Обонежье) можно полагать более мощные и длительные древние волжско-финские языковые связи, т.е. язык носителей субстратной гидронимии в Обонежье и на смежной территории сохранял, возможно, длительную основу с волжским языковым типом.

В древней субстратной гидронимии Северо-Запада России традиционно выделяются модели с топоформантами — конечными элементами, присущими многим топонимам одного рода. В Обонежье представлены модели на *-га* (Ялега), *-ма* (Нетома, Чиргама, Кудома, Вешкома, Сомбома, Охтома, Андома), *-ла* (Сондала) *-с/-кса* (Гакукса, Пильмаса, Рагнукса, Куржекса, Шундукса), *-жа* (Сегежа, Сарожа, Отовожа, Пеможа), *-да* (Колода, Ламбуда, Волгуда), *-нда* (Суланда, Висксинда) и др. Из традиционного для севера набора топоформантов заметно, пожалуй, лишь отсутствие в Обонежье *-ньга/-нга*. Границы распространения данной модели огибают Обонежье с востока и севера, проходя из Белозерья в бассейн Белого моря, лишь незначительно задевая при этом Восточное Обонежье, куда модель проникает, очевидно, из Каргополья (см. рис. 5). По А. К. Матвееву, гидронимы на *-ньга* сосредоточены «в треугольнике, образуемом Вагой, Северной Двиной и Сухоной, хотя встречаются и далее... на западе — в бассейне Онеги, за которым исчезают» [Матвеев 1964]. А. К. Матвеев связывает этот тип с чужью заволочской и интерпретирует его на прибалтийско-финской почве. Финляндский исследователь Ээро Кивиниеми не исключает прасаамских истоков для форманта, который по его данным широко распространен на территории северной Финляндии и в Беломорье [Kiviniemi 1984]. Б. А. Серебренников в

свое время предполагал дофинно-угорское происхождение гидронимов на *-ньга* [Серебренников 1955].

В целом, по-видимому, некорректно рассматривать представленные в топонимии Обонежья гидроформанты вместе. В действительности есть определенные указания на их хронологическую неоднородность. В частности, формант *-га* может в некоторых названиях иметь прибалтийско-финские истоки, *-с/-кса* — прибалтийско-финские или саамские, *-ша* — саамские. Однако четкой картины на сегодняшний день все же нет.

Для интерпретации субстратной севернорусской гидронимии, в частности, отмеченных формантов, в ономастике выдвигался целый набор гипотез: дофинно-угорская, самодийская, угорская, финно-угорская, севернофинская. Все они, однако, так и остались гипотезами. Если попытаться, отвлекаясь от гипотез и предположений, представить объективные факты, связанные с формантной гидронимией Обонежья, то они выглядят следующим образом.

- В бассейне Онежского озера гидронимы с топоформантами — это в подавляющем большинстве случаев названия относительно небольших рек, притоков (иногда второго порядка) более крупных рек. Последние, в свою очередь, далеко не всегда оформлены очевидными речными суффиксами (ср. *Водла, Суна, Шуя, Выг*), что может иметь разные объяснения, в том числе вторичность, более поздний возраст гидронимов с топоформантами.

- Субстратная гидронимия бассейна Онежского озера входит составной частью в обширный ареал, при этом наиболее очевидны юго-восточные — поволжские (верхневолжские) — и восточные (онего-двинские) параллели. Есть безусловные аналоги и в древней топонимии Приладожья.

- Для определения относительного возраста и истоков формантов существенно, что те основы, к которым они присоединяются, практически не этимологизируются из прибалтийско-финских языков. Единичные названия допускают саамскую интерпретацию. Имеются достаточно очевидные параллели в основах субстратной гидронимии Обонежья и обозначенного выше ареала.

Исходя из этого, а также принимая во внимание достаточную насыщенность гидронимии Обонежья и прилегающих территорий формантной гидронимией, можно предполагать, что это в значительной степени языковые следы населения, непосредственно предшествовавшего прибалтийско-финскому и вошедшего, очевидно, в состав саамского этноса.

На основе имеющегося лингвистического материала можно, таким образом, видеть достаточно длительное вхождение Обонежья в ареал идущих из Поволжья языковых импульсов. При этом границы ареала неуклонно сужаются — от вхождения Обонежья составной частью в обширный регион на северо-востоке Европы через превращение Онежского озера в северо-западную окраину региона до концентрации поволжских особенностей в Южном Обонежье.

Подводя итоги сказанному, можно констатировать, что формирование границ Обонежской историко-культурной зоны — как, очевидно, и других — было объективно обусловлено естественно-географическими факторами. На протяжении тысячелетий наиболее прочной, судя по языковому материалу, была западная граница Обонежья, которая сложилась, с одной стороны, на стыке двух таежных типов лесов, с другой — вдоль водно-волокового пути со Свири по Важинке в Онежское озеро. Достаточно стабильной, хотя и проницаемой на разных этапах, была северная граница, отделявшая Обонежье от Беломорья. Связующим звеном служил водно-волоковой путь из Онежского озера в Белое море, использовавшийся разными этноязыковыми коллективами. Другой водной артерией, объединявшей Обонежье с прилегающим к нему с северо-запада ареалом, была р. Суна. Южные и восточные пределы Обонежья, также соотносящиеся с границами водных бассейнов, обнаруживают вместе с

тем значительную проницаемость. Водные магистрали достаточно прочно связывали Обонежье с Белозерьем и Заволочьем.

Литература

- Агапитов 1989 — Агапитов В. А. Освоение Заонежья древними вепсами // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989.
- Агапитов 1994 — Агапитов В. А. Прибалтийско-финская земледельческая колония в южном Заонежье (опыт топонимической реконструкции) // Кижский вестник. Вып. 4: Заонежье. Петрозаводск, 1994.
- АКЯ 1997 — Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка / Ред. Л. Сарвас. Хельсинки, 1997.
- Бубрих 1947 — Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Бубрих 1971 — Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с индоевропейскими языками. Л., 1971.
- Бубрих 1995 — Бубрих Д. В. Из этнонимии Карелии // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск, 1995.
- Востриков 1981 — Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981.
- Зайцева 1988 — Зайцева Н. Г. О вепско-саамских лексических параллелях // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988.
- Кожееватова 1996 — Кожееватова О. А. Пути образования общего регионального лексического фонда на Европейском Севере России // Ономастика и диалектная лексика: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 1996.
- Матвеев 1964 — Матвеев А. К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вопр. языкознания. 1964. № 2.
- Матвеев 1979 — Матвеев А. К. Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979.
- Матвеев, Стрельников 1988 — Матвеев А. К., Стрельников С. М. Лексические параллели между диалектами белозерских и кильдинских саамов (по данным топонимии) // Этимологические исследования. Свердловск, 1988.
- Муллонен 1994 — Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- Муллонен 1995а — Муллонен И. И. Заметки о топонимии Водлозерья // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995.
- Муллонен 1995б — Муллонен И. И. «Святые» гидронимы в контексте вепско-русского контактирования // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск, 1995.
- Муллонен 1996 — Муллонен И. И. Об одной древнерусской ойконимной модели в Присвирье и Обонежье // Язык: История и современность. СПб., 1996.
- Муллонен 1999 — Муллонен И. И. От Онежского озера до озера Неро: К разгадке истоков древних топонимов // Русская народная культура и ее этнические истоки: Пошехонские чтения-99. М., 1999.
- Мызников 1994 — Мызников С. А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья: Автореф. канд. дис. СПб., 1994.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

- Рум 1982 — Рум М. Э. Вепские географические термины в русской апеллятивной лексике и топонимии Вытегорского района Вологодской области // Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск, 1982.
- Серебренников 1955 — Серебренников Б. А. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопр. языкознания. 1955. № 6.
- СНМ 1873 — Список населенных мест Российской империи. XXVII: Олонецкая губерния. СПб., 1879.
- Субботина 1985 — Субботина Л. А. Заимствования в географической терминологии Белозерья. Автореф. канд. дис. Томск, 1985.
- Туркин 1985 — Туркин А. И. Этногенез народа коми по данным топонимики и лексики. Таллин, 1985.
- Hausenberg 1996 — Hausenberg A.-R. Onko komin ja itämerensuomalaisissa kielissä areaalista yhteispiirteitä? // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. 10.–15.8.1995. Pars IV. Sessiones sectionum. Syntaxis et semantica. Jyväskylä, 1996.
- Häkkinen 1996 — Häkkinen K. Suomalaisten esihistoria kielitieteen valossa. Helsinki, 1996.
- Itkonen E. 1961 — Itkonen E. Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historian tutkimuksen alalta. Helsinki, 1961.
- Itkonen T. 1971 — Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971.
- Kiviniemi 1984 — Kiviniemi E. Nimistö Suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Helsinki, 1984.
- Koivulehto 1984 — Koivulehto J. Itämerensuomalais-germaaniset kosketukset // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Helsinki. 1984.
- Korhonen 1981 — Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- Nissilä 1967 — Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki, 1967.
- Sammallahti 1977 — Sammallahiti P. Bridging the gap between two inchoative suffixes: -škande- and Lapp-škoatte- // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1977. T. 42.
- Sammallahti 1993 — Sammallahiti P. Suomalaisten ja saamelaisten juuret // Kieliposti. 1993. № 1.
- Suvanto 1972 — Suvanto S. Satakunnan ja Hämeen keskiaikainen rajalaitos. Tampere, 1972.
- Tunkelo 1946 — Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.
- Turunen 1973 — Turunen A. Raja-Karjalan murteet ja vepsän kieli // Kalevalaseuran Vuosikirja. 1973. № 53.
- Virtaranta 1973 — Virtaranta P. Über die Olonetzischen Kondusi-Dialekt // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1973. T. 40.